

СЕЛЬКУПСКИЙ ЯЗЫК С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТИПОЛОГИИ ПОРЯДКА СЛОВ

А. И. Кузнецова

(Московский государственный университет)

С тех пор, как лингвисты научились сознательно ставить отдельные явления в связь друг с другом и по одному явлению предсказывать другое, т. е. устанавливать типологические законы, исследователи получили возможность под новым углом зрения анализировать и конкретные языки, отталкиваясь от уже установленных универсалий. Найденные в том или ином языке явления, сопряженные с уловленными общими закономерностями, и отклонения от описанных универсалий, обнаруженные на материале конкретного языка, дают основание корректировать сформулированную ранее закономерность. В истории языкознания обе тенденции (описание конкретных языков и установление типологических законов) последовательно сменяют друг друга, взаимно обогащаясь.

В типологических работах сравнительно редко встречаются языки уральской языковой семьи и далеко не все; чаще других типологи используют материалы венгерского, финского и эстонского языков, в меньшей мере — языков пермских и волжских. В свою очередь, сами финно-угроведы и самодисты тоже мало интересуются типологическими исследованиями.

Селькупский язык почти совсем не попадает в поле зрения типологов. В наибольшей мере это касается его синтаксических категорий. Исследование синтаксиса остается наименее разработанной областью изучения селькупского языка. Отчасти это связано с тем, что на младописьменном селькупском языке, у которого не сложилось единого литературного языка, недостаточно издано текстов. Изданные на разных диалектах тексты отражают (в большей или меньшей степени) основные особенности слабо «причесанной» публикатором разговорной (но никак не письменной) речи, имеющей свою специфику. Так, в разговорном языке многое зависит от интонации, эмфатических ударений, далеко не всегда отмечаемых собирателем фольклора в полевых условиях; в записи живой речи содержится большое количество эллипсов, повторов, оговорок, самоисправлений и комментариев сказочников, много случаев синтаксической омонимии. Подобная запись, как правило, подвергается лингвистом первичной обработке (иногда не совсем удачной), после чего на основе такого препарированного текста устанавливаются синтаксические особенности языка, предоставляющие лингвисту возможность находить в языке подтверждение или опровержение известных типологических закономерностей.

В настоящей статье, написанной на материале селькупского языка (см. Примечание в конце этой статьи), анализируются некоторые коррелирующие между собой порядки слов, которые могут быть рассмотрены с трех разных точек зрения. Под словопорядками скрывается три слоя отношений: 1) отношения на поверхностном уровне между членами предложения (подлежащим, дополнением, сказуемым, с одной стороны, и между определением и определяемым, будь то подлежащее или дополнение, с другой стороны); 2) смысловые отношения на глубинном уровне между субъектом, объектом, предикатом и гармонирующими с ними отношениями атрибут & субъект или атрибут & объект; 3) отношения между частями речи, выражающими предыдущие типы отношений — синтаксическое и смысловое (актуальное) членение. В данной статье основное внимание уделено описанию закономерностей синтаксического членения как наиболее формализованного. Прежде всего устанавливается специфика синтаксических отношений между членами предложения и выражающими их частями речи в селькупском языке сравнительно с типологическими возможностями основных порядков слов в языках мира на поверхностном уровне; одновременно обнаруживаются пересечения синтаксических отношений на поверхностном уровне с субъектно-объектными отношениями на глубинном уровне.

В силу сложившейся традиции, несмотря на справедливую критику ее [Полынская 1989: 111], в статье используется нотация, не различающая указанных уровней представления языковых высказываний (ср. [Мельчук 1991: 50], где выделено четыре уровня представления высказываний). Обозначения были предложены в свое время Дж. Гринбергом для изучения типологии основного порядка слов: S — подлежащее, O — дополнение, V — сказуемое, Adj — определение (атрибут), которое может быть выражено существительным (N) в том или ином падеже, прилагательным (Adj) и причастием (также Adj).

Под типологией основного порядка слов Дж. Гринберг [1970: 117–118] понимает «типологию некоторых основных факторов порядка слов», причисляя к ним наличие в языке предлогов или послелогов; относительный порядок S, V и O в повествовательном предложении с именным S и O; позицию Adj, указывающего на качество, по отношению к существительному. При изучении в предложении порядков слов исследователи всегда обращали внимание на совместимость порядков друг с другом¹. Доминирующими порядками в финно-угорских языках, по Дж. Гринбергу, является SOV, чему соответствует употребление послелогов (Po); порядок SOV имеет тенденцию встречаться с порядком GenNom и AdjN. Все перечисленные порядки наблюдаются и в селькупском языке, но сам факт наличия этих корреляций и порядков в селькупском языке тривиален и мало ин-

¹ Идеи, касающиеся типологии основных порядков слов высказывались в лингвистической литературе уже в XIX в. и в начале XX в. Таковы, например, мысли об отношении между позицией Gen относительно Nom или о предпочтении одними языками порядка «определяемое — определяемое» (AdjN), а другими — противоположного (NAdj). Систематическая трактовка вопроса типологии основного порядка слов была дана в 1926 г. В. Шмидтом, когда он установил корреляции в употреблении предлогов с порядком существительных NomGen, который, в свою очередь, сочетается с порядком VO и NAdj, а порядок существительных GenNom встречается с послелогом, с порядком OV и с сочетанием Adj N.

формативен. В языках типа селькупского с обилием в нем так называемых включенно-личных предложений подлежащее часто формально отсутствует, хотя указание на него почти всегда имеется в глагольных окончаниях, а субъект действия может быть выражен другим падежом, например, Gen. Объект же может стоять в Nom. Все это лишний раз заставляет задуматься над тем, какими же должны быть единые для типологических исследований понятия (субъекты, объекты? подлежащие, дополнения? или существительные, глаголы? и т. д.) и на каком уровне (поверхностном или глубинном) их следует рассматривать (Ср. рассуждения на эти темы: [Мельчук 1991; Козинский 1995; Тестелец 1995; Kibrik 1997] и др.)

Значительный интерес представляет раскрытие особенностей, скрывающихся за внешними обозначениями порядков, которые могут быть выявлены при расшифровке того, что кроется за Adj, а также при обращении к глубинному уровню — к субъектно-объектным, семантическим отношениям.

Типичной для финно-угорских языков считается корреляция SOV & GenNom & AdjN. В качестве примера детального рассмотрения будет взята лишь корреляция SOV & AdjN, чему будет предшествовать анализ порядков слов, сосуществующих с порядком SOV.

Количественное распределение основных порядков слов показывает, что порядок OV в селькупском языке преобладает над порядками SV и SOV при полном отсутствии порядка VOS и VSO (последний встречается лишь в случае оговорок информантов, быстро замечающих и исправляющих свою ошибку) и при наличии единичных случаев остальных порядков: OSV, SVO, OVS, VO и VS, не считая незначительного количества назывных именных предложений (S) и безличных глагольных (V). В истории селькупского языка можно отметить колебания в превалировании одного порядка над другим, но в целом первенство держат три порядка: OV, SOV и SV. Из трех данных порядков в 1940-е гг. первое место принадлежало порядку OV, второе — SV, а в 1970-е гг. на первом месте оказался порядок SV при почти равном количестве предложений с порядками SOV и OV. Выявленные основные словопорядки и их корреляции были соотнесены с основными порядками слов в работах Дж. Гринберга [1970], М. С. Драйера [Dryer 1988, 1992], М. С. Полинской [1989] и др., что позволило увидеть многие особенности в порядках слов селькупского языка.

Количественное распределение типов порядка слов, обнаруженных в селькупских текстах 1940-х и 1960-1970-х гг., даны в таблицах 1 и 2. В таблице 1 представлены результаты обработки трех небольших текстов общей длиной в 121 предложение в записи Л. А. Варковицкой. Полипредикативные конструкции, часто выполняющие функцию обстоятельств, в самостоятельные предложения не выделялись. Бессоюзные сложносочиненные предложения рассматривались как совокупность простых.

Предложения и порядки слов в них								
Двусоставные полные			Включенно-личные				Прочие	Всего
SOV	OSV	OVS	OV	VO	SV	VS	V или S	
17	5	1	52	6	24	3	13	121

Таблица 1.

Если отбросить подлежащее, то структура предложения типа OV окажется в абсолютном большинстве по отношению к структуре VO (75 против 6).

В предложениях с подлежащими (которые по сравнению со включенно-личными составляют в исследованных отрывках из записей Л. А. Варковицкой менее половины — 53 из 121) преобладает порядок SOV (17) над единичными OSV (5) или OVS (1) при полном отсутствии в проанализированных текстах порядка SVO (не исключено, что в других текстах он возможен, хотя, несомненно, редок). В селькупском языке баишенского говора в 1940-е гг. простые предложения преобладали над полипредикативными.

В 1960–1970-е гг. доминирующие порядки остались те же, но к неосновным прибавился еще один порядок слов и изменились соотношения между неосновными порядками. Одновременно усиливалась тенденция к развитию под влиянием русского языка сложных предложений с союзами и к постепенному вытеснению полипредикативных конструкций. Результаты обработки 319 предложений, взятых из текстов тазовских селькупов [Очерки 1993], показаны в таблице 2.

Предложения и порядки слов в них									
Двусоставные полные				Включенно-личные				Прочие	Всего
SOV	OSV	SVO	OVS	OV	VO	SV	VS	V или S	
87	13	17	6	70	13	101	5	7	319

Таблица 2.

Как видно из данной таблицы, в абсолютном большинстве предложений подлежащее находится перед сказуемым (218), иногда отделенное от него дополнением, а дополнение — перед глаголом-сказуемым (176), причем в 163 случаях непосредственно перед ним. Безобъектные предложения составляют более трети всех фраз (SV + VS + V > 110 из 319), но объект (прямой или косвенный) может подразумеваться, его легко установить по окончанию глагола. Точно так же при порядке OV роли участников речевой ситуации распознаются не по подлежащему, которого нет в данных структурах, а по формам глагола-сказуемого. Фактически в окончании селькупского глагола заложено указание не только на лицо действующего субъекта, но и на то, имеет ли субъект дело с прямым или косвенным, определенным или неопределенным объектом. Именно поэтому среди однословных предложений значительно больше глагольных, имплицитно указывающих на объект и субъект, чем назывных-именных предложений.

В селькупском языке есть категория типа спряжения. Типов спряжения два: субъектно-безобъектное (или просто субъектное) спряжение (от глаголов как непереходных, так и переходных, объект при которых неопределенный) и субъектно-объектное (или просто объектное) спряжение, возможное только от переходных глаголов, действие которых направлено на объект, мыслимый как четко определенный, известный или слабо определенный, и лишь изредка как неопределенный. Сам объект при этом не характеризуется с точки зрения числа или лица (как это отражено в формах глагола в палеоазиатских языках), но получает специфическое указание на определенность объекта. Из этого следует, что предложения вида V, OV или VO имплицитно всегда имеют указа-

ние на субъект действия и на объект, если глагол стоит в ед. ч. или в 3 л. дв. ч. (в 1-2 лицах дв. ч. и во мн. ч. субъектное и объектное спряжения не различаются). Например: *Tätty tüña* (нулевое окончание). *Catty-ty. Cüqolamna-ty* 'Близко подошел-он (суб. спр.). Выстрелил-он (об. спр.: известно, в кого). Стрелять стал-он (об. спр.: в кого-то определенного)' [Варк. VII, 13]. Ср.: *Qätqolamna. Cüqolamna* (суб. спр.) 'Убивать стал-он. Стрелять стал-он' (объект неизвестен) [Варк. VII, 11]; *Qokty tenyrpa* (суб. спр.) 'Царь думает' [Варк., VII, с. 21]. Аналогичные примеры встречаются и в текстах 1960–1970-х гг.: *Nik tenyrpa-ty* (об. спр.): «*Qättyt torqu kol'altyptäqäk aj picyn oly pölysa-p*» (об. спр.) 'Так думает-он: «при обхождением развалин города еще топор проглотил-я»' [Очерки 1993, № 5, 83, с. 16]. Имя действия I с суффиксом *-ptä-* (инфинитивная форма от глагола *kol'altyqo* «обойти кругом») в рамках так называемого простого осложненного предложения обычно переводится на русский язык придаточным предложением 'пока я обходил города развалины', т. е. во время моего обхода. В этом случае вся синтаксическая конструкция, передающая содержание размышления черта-старика, является определенным объектом, поэтому глагол *tenyrpaty* 'думать' стоит в объектном спряжении при последующем порядке (GenNom + Имя действия I), зависящем от глагола в порядке OV. В текстах 1940-х гг. в аналогичных контекстах с глаголом *tenyrpuqo* также обычно употребляется суб.-об. спр.: *Tenyrpa: «Kussa mat šerläp?»* 'Думает: «Ну-ка, я зайду»' [Варк., VII, 20. Так же: VII, 5, 13, 15, 20а и т. п.]. Ср. употребление других глаголов: *Qonyty wacyl' kusal'a. Qonyty, amqolamna* 'Увидел мяса кусочек (известно, какой). Увидел, стал есть' [Очерки 1993, № 5, 51–52, с. 16] и (*Kandaraška* — людоед) *эмум амқоламнат(у)* '(Кандарашка) мать свою стал есть' [Варк., VII, 19]. Постепенно сформировался круг глаголов, употребляемых практически всегда в объектном спряжении. Так, обычно в селькупских текстах глаголы со значением 'сказать', 'думать', 'спрашивать', 'слышать', 'смотреть', 'видеть', после которых возможна прямая речь, стоят в об. спр., например: *Nätäk mannypaty: äsyty namyššak iralipytqo esympa* 'Девушка смотрит (= видит): ее отец таким старикашкой стал' [Очерки 1993, № 4, 80, с. 15]; *Iraty tomnyty: «Ukkyršak ilentī»* 'Старик сказал: «Вместе будем жить»' [Очерки 1993, № 17, 4, с. 28]; *Qontylä ünjalpaty: kuty kos cūra* 'Спя, слышит: кто-то плачет' [Очерки 1980, с. 401]; *Mannypaty: lattarsä (kiñnim) cumpa* 'Смотрит: покойниками (запор) забился' (Л. А. Варковицкая [VII, 55] дает перевод в страдательной форме: 'набит') и т. п. Перевод Л. А. Варковицкой, ученицы Г. Н. Прокофьева, не случаен. Категория типа спряжения в селькупском языке (именно как самостоятельная грамматическая категория) выражает отношение действия к его субъекту и объекту, а тем самым косвенно указывает и на отношения между субъектом и объектом через отношение их к действию. Тип спряжения и залог — категории одного порядка. Если в языке есть четко выраженная категория типа спряжения, как в уральских, палеоазиатских и некоторых других языках, грамматически выраженной категории залога там нет, но бывает залоговый компонент, заключающийся в семантике и передаваемый словообразовательным способом. Описывая систему спряжения селькупского глагола, Г. Н. Прокофьев называет субъектное спряжение непереходящим [1935: 56] или непереходным [1937: 114–115] залогом, а объектное — переходящим или переходным соответственно, так как обычно такие отношения выражаются залоговыми формами.

В качестве прямого дополнения порядка OV в селькупском языке может выступать, помимо прямой или косвенной речи, относительная адъективная форма (существительное в адъективной репрезентации), которая образуется путем прибавления ко второй основе существительного *-l'* и означает 'относящийся к кому / чему-либо, связанный с кем / чем-либо, изготовленный из чего-либо'. Когда типологи говорят о возможной корреляции порядков OV & AdjN (если есть порядок OV, то должен быть и порядок AdjN), который, действительно, существует и характерен для селькупского языка, они не в состоянии учесть случаи типа *Pōl'tol'cyl' mytyn* и правильно их интерпретировать, так как это не Adj & AdjN, а AdjAdj & N, причем Adj + Adj = Adj + N, где вторая левая форма есть существительное в адъективной форме, иначе говоря, — адъективная репрезентация существительного. Адекватный перевод такого сочетания: '(для) деревянных лыж мазь', но не 'деревянная лыжная мазь', то есть по смыслу это AdjN & N, хотя по форме — AdjAdj & N. Точно так же *porqyl' pēmy* — не 'одежные пимы', а 'одежда и пимы', *Pōwal' aj Quma* — не 'Повин Кума', а 'Пова и Кума', *sorymtäl' syru* — не 'дождливый снег', а 'дождь и снег' и т. д. Следует добавить, что адъективная форма существительного, означающего 'вещество, материал', обычно стоит в препозиции к определяемому слову, обозначающему емкость: *ütyl' pocka* 'бочка воды' (но не 'бочка для воды'), *keñyl' kalan oly* 'половник супа' (но не 'суповая ложка'. Напр.: *Qup keñyl' kalat olyp ašša ütentyty* 'Человек ложки супа не получит' [Очерки 1993, № 1, 22, с. 8]). Изредка данная форма встречается после существительного, в постпозиции: *šitty tarelka apsyl'* 'две тарелки еды'. В этом случае наблюдается гармония порядков, зафиксированная Дж. Гринбергом в типе 24, SOV & Po & GenNom & NAdj (вместо SOV & Po & GenNom & AdjN), в котором, впрочем, не указан ни один из уральских языков ([Гринберг 1970: 158]; ср. [Dryer 1988: 206]). У северных селькупов значение 'емкость какого-то вещества, объем какого-то материала' может быть передано и в форме постпозитивного определения в Instr.: *Ci üssä* 'котел воды', что может быть калькой с русского. Встречаются также обороты типа *tarelka qāly* 'тарелка рыбы', отражающие, вероятно, исчезающее явление селькупского синтаксиса, при котором вместо AdjN или, по крайней мере, NAdj используется NomNom, но при этом оборот представляет собой формальный эквивалент не GenNom, а AdjNom со значением материала, из которого сделан предмет, обозначенный определяемым: *pōl' amyrsa* 'деревянная миска', а не 'миска с деревом' [Оч. 379].

Атрибутивную функцию в постпозиции к существительному может выполнять также адъективная репрезентация существительных *tōnty* и *wərqy*, со значением 'размером, величиной, шириной с...', омонимичных безэлевым прилагательным и имеющих вид чистой основы: *mōtyt wərqyl' qup* 'с чум величиной человек', *utyty tōntyl' pōñcyro* 'с руку шириной полено' и даже форма адъективной репрезентации существительных в координативе — *utyty tōntyššal' pō* 'с руку толщиной дерево'. Во всех приведенных примерах наличествует порядок GenAdj & N, а не Gen & AdjN, т. е. 'подобный большому дому человек', а не 'дома большой человек' и т. д.

Определение, выраженное адъективной формой существительного, может означать также 'относящийся к чему-либо'. В этом случае адъективная форма фак-

тически может выполнять в предложении функцию либо объекта, либо субъекта (OV или SV): *Tol'cil' t̄kty, yntyl' t̄kty Tənej šotty qənnypaty* 'За лыжами, за луками (точнее, за всем, относящимся к лыжам и лукам) Тэней в лес отправился' [Варк., VII, 9]; *Sajyl' t̄lly, ʒl' t̄lly šitty kēpyt̄lty p̄sā* 'Глаза-твои, рот-твой распяль палками' [Очерки 1993, № 5, 186, с. 17]); *Muntyk na koŋaltymmyntyty: kuttar cul' m̄tyl' t̄mty t̄sā na c̄t̄tymmyntyty qālytysā n̄enty* 'Все рассказал-он: как к землянке относящееся огнем сжег-он с ненцами вместе' [Очерки 1993, № 20, 71-72, с. 31]. В современном селькупском языке имеется ряд глаголов, при которых прямое дополнение обычно выражается существительным в адъективной форме: *ūcyqo* 'работать' (*qorsal' ūcak* 'теслом работаю'; *tol'cyl' uc̄q̄i* 'лыжи мастерят'), *p̄ryqo* 'искать' (*qomtāl' p̄rysa* 'деньги искал'), *miršytyqo* 'стругать' (*narapol' miršyttak* 'хорей обстругиваю'); ср. *m̄eqo* 'сделать, построить' (*porqyl' p̄mup m̄etak* 'одежду и обувь делаю'). Во фразе *Qumyl' amyryl' šinyt qatta* 'Человеческое едящий (= людоед) нас убьет' [Варк., VII, 21] помимо прилагательного *qumyqyl'* 'относящийся к человеку, человеческий' есть причастие настоящего времени *amyryl'* 'едящий'. Во всех приведенных примерах на порядок OV объект представлен в виде Adj, поэтому формально (на поверхностном уровне) исследователь имеет дело с порядком AdjV.

Причастия, как в примере с *amyryl'*, выполняют адъективную функцию, определяя существительные и занимая препозитивную позицию по отношению к ним. В отличие от разобранных случаев причастия — форма адъективной репрезентации глаголов, сохраняющая все валентности глагола, к которому относятся. Модели управления причастий в основном совпадают с моделями управления глаголов в финитных формах, за исключением субъекта действия, выраженного причастием, который ставится обычно в Gen., реже в Nom. За порядком AdjN скрываются причастия, передающие разные залого, но залоговое противопоставление в них выражается на уровне синтаксиса. Сравним две группы примеров:

ʒtāp (Acc) *qətpyl' qorqu* 'оленья убивший медведь' = 'медведь, убивший оленя'; *qorqyt* (Gen) *qətpyl' ʒtā* 'медведем (букв.: медведя) убитый олень' = 'олень, убитый медведем';

topuryr wətenytyl' ūjat 'ягоды собирающие дети' = 'дети, собирающие ягоды'; *ūjatyn wətenytyl' topyr* 'детьми (букв.: детей) собираемые ягоды' = 'ягоды, собираемые детьми';

qomtār qokuńcytyl' imaqota 'деньги не нашедшая старуха' = 'старуха, не нашедшая деньги'; *imaqotat qokuńcytyl' qomtā* 'старухи не найденные деньги' = 'деньги, не найденные старухой';

porqyp šüss̄tyl' imamy 'одежду долженствующая сшить моя жена' = 'моя жена, долженствующая сшить одежду'; *imamy šüss̄tyl' porqu* 'женой долженствующая быть сшитой одежда' = 'одежда, долженствующая быть сшитой моей женой';

qālyt p̄tt̄pyl' roqqam 'рыбой порванная моя сеть'

Все примеры в левом столбце, во-первых, имеют определяемое причастием существительное в Nom, а объект — в Acc; во-вторых, существительное — одушевленное. В правом столбце существительные в Nom. неодушевленные (труп оленя, разумеется, тоже неодушевленное существительное; ср.: *šitty nomāqī contōmyt pascalpytyl* 'два зайца, по середине разрубленные'), а субъект производного действия выражен дополнением в Gen., вместо которого может быть и Nom. Сразу необходимо отметить специфику в понимании одушевленности селькупов в древности, что нашло свое отражение в языке. По свидетельству Г. Н. Прокофьева, понимание живой и мертвой природы у селькупов связано с признаком движения: «И ветер жив, и солнце живо, и звезды живы — все они движутся. Следовательно, основным признаком одушевленности в глазах инородца является движение... На основании этого признака он и делает различие между живым и мертвым» (Цит. по: [Варковицкая. Дневн. Прок., с. 4 об.]). Судя по приведенным примерам, причастие, определяющее одушевленное существительное (как понимают одушевленность селькупы) и имеющее объект в Acc., выступает в форме действительного залога, а причастие, определяющее неодушевленное существительное с субъектом, соответствующим дополнению в Gen. (или в Nom), стоит в форме пассивного залога. Это подтверждается многочисленными примерами. Так, с одной стороны: *kətypyl* 'salty' 'завещанный (кому-то) пень (*Āsämy* [Nom. вместо обычного Gen.] *kətypyl* 'saltap tat qā nytqylel'cal 'Моим отцом завещанный (мне) пень ты зачем вырвала?' [Очерки 1993, № 3, 27, с. 12]; *qətpyl* 'qip' 'убитый человек'; *tal'l'altypyl* 'mōt' 'разрушенный дом'; *tarympytyl* 'kāsū' 'раскаленное железо'. С другой стороны: *ilypyl* 'il'ca' 'живший старик', *tīl'tyryl* 'alako' 'самолет' (букв.: летающая лодка), *qənpyl* 'tīmñal' 'ушедший брат-твой', *qalympyl* 'qālyk' 'оставшийся ненец', *sūrīmy tēmtysä sōrympytyl* 'звери мои, веревкой привязывающиеся' (подразумевается: кем-то), *pēntyl* 'qum' 'ищущий человек' (*Mašip pēntyl* 'tīna qum ūryk cāñka?' 'Меня ищущий человек все еще отсутствует?' = 'все еще нет ищущего меня человека?') [Очерки 1993, № 2, 23, с. 9]; (ср. *imat ampyl* 'mərky mərkynty pōnny' 'Погубивший (сына) (букв.: съевший) ветер женщины дует оттуда' [Очерки 1993, № 1, 53, с. 9]); *jōwal orqylnyty, qumyp qəttytyl* 'дьявол схватил, человека убивающий' [Очерки 1993, № 2, 110, с. 11] и др. Первые четыре сочетания представляют собой адъективированные действительные причастия от переходных глаголов в значении прилагательных. Залог в сочетании типа *qətpyl* 'qip' может быть установлен лишь при знакомстве с более широким контекстом, то есть обязательно требуется наличие субъекта или объекта. В рассматриваемых конструкциях иногда достаточно присутствия лишь одного условия для опознания залога причастия. Так, если субъект или объект отсутствуют, то при установлении залога причастной формы приходится ориентироваться лишь на определяемое причастием существительное — одушевленное оно или нет. В отдельных случаях может произойти полная адъективизация причастия, сопровождаемая часто изменениями в структуре слова, например, *mēltētyl* < *mēlty* + *ētyl* 'постоянный' (букв. 'всегда сущий'); *nūrtyl* 'слоистый' (< *nūryqo* 'продолжить'); *cūmpyl* 'талый, растаявший'. Интересно, что *kykytyl* (в словаре С. И. Иринова [1988] — *кыкынтый*) теоретически означает и 'любящий', и 'любимый'; это может быть различено по форме дополнения (любимый кем? или любящий кого?), соответствующего то субъекту, то объекту. В данном случае признак оду-

шевленности-неодушевленности оказывается нерелевантным, нивелируется. Однако подобные фразы, если они вообще встречаются в разговорном языке (примеров в текстах нет), могут быть результатом влияния русского языка. Практически язык в таких случаях отдает предпочтение формам действительного залога. Следовательно, категория актива — пассива у причастий в селькупском языке вне контекста является имплицитной на морфологическом уровне, но может быть выявлена на уровне синтаксиса. В других случаях оказывает помощь и семантика — 'третий' слой, компонент, участвующий в формировании залога у причастий.

Таким образом, за порядком AdjN, коррелирующим с SOV или OV, скрыты самые разные явления не только на глубинном уровне, но и на поверхностном, где они могут быть выражены не морфологическими, а синтаксическими способами. AdjN — это 1) причастие + существительное (причем причастие может быть разных залогов, следовательно, субъект и объект меняются местами на глубинном и поверхностном уровнях), 2) существительное (в форме адъективной репрезентации) + существительное и 3) прилагательное + существительное. Значения оборотов — каждый раз разные. Типологическое сопоставление несоизмеримых единиц из языков различных языковых семей во многом обесценивает результаты сравнения, но оно может оказаться полезным при сравнении языков одной языковой семьи, где замеченные особенности какого-то одного языка, анализируемого на фоне многих других языков, могут оказаться существенными признаками всех или части родственных языков.

ПРИМЕЧАНИЕ

Настоящая работа делалась на основе полевых материалов, собранных в августе 1941 г. Л. А. Варковицкой, ученицей Г. Н. Прокофьева, у туруханских селькупов в селах Нижняя и Верхняя Баиха и Усть-Баиха, а также полевых материалов 1968–1973 гг., собранных у тазовских селькупов и опубликованных в 1993 г. А. И. Кузнецовой, О. А. Казакевич, Л. Ю. Иоффе и Е. А. Хелимским [Очерки 1993]. Язык жителей деревень Н. и В.Баиха и Усть-Баиха относится к баишенскому говору тазовско-туруханского диалекта селькупского языка. Было обработано 18 сказок [Варковицкая. Архивные материалы. Тетрадь VII], записанных от трех информантов, общим объемом в 4286 словоупотреблений, образующих 1670 предложений, средняя длина которых — 2,56 слова. Основная масса предложений содержит по два и три слова (33,6% и 26% соответственно). Предложений глубиной (длиной) в одно слово — 20%, в четыре — 14%. В наличии большого количества коротких фраз в одно-два слова (53,6%) таится языковая 'спрессованность' и метафоричность. Предложения длиной от пяти до девяти слов включительно составляют 6,4%. Несколько иная картина открывается при анализе глубины предложений в терминах слов в селькупском языке 1960–1970 гг. Средняя длина предложения увеличилась до 3,2 слова. Исчезло ощущение 'рубленой' прозы. Произошел незначительный сдвиг в сторону увеличения количества предложений глубиной большей, чем три слова; одновременно возник сильный перепад между однословными и двухсловными предложениями, и сократился разрыв между четырехсловными и пятисловными. В результате предложения в одно слово составляют 4%, в два — 20,9%, в три — 30,3%, в четыре — 20,9%, а в пять — почти в два раза меньше, чем в четыре (10,9%). Дальше идет плавное уменьшение

количества предложений от 7,6% при шести словах в предложении до 0,2% при длине предложения в 11 слов. Удлинение предложений произошло за счет роста количества обстоятельств и дополнений в предложении при сохранении всех прежних порядков слов в тех же пропорциях и при том же доминирующем порядке. При обработке коллективного связного текста бросаются в глаза некоторые его особенности, которые нужно иметь в виду при установлении длин предложений в терминах слов. Необходимо, например, учитывать возможные случаи утраты каким-либо словом его семантики и превращения данного слова в суффикс (или суффиксоид), в результате чего происходят изменения в морфологическом составе слов, ведущие к усложнению его структуры, т.е. вместо двух слов возникает одно. Но процесс десемантизации долгий, и в течение длительного периода исследователи бесписьменных и младописьменных языков могут давать разные написания подобных сочетаний. Даже в записях одного и того же лингвиста можно найти примеры с двояким написанием. Так, у Л. А. Варковицкой встречается *söl'qur* и *söl' qur* 'селькуп', *iralıpy* и *ira lıpy* 'старикашка', *somēŋa* наряду с *soma ēŋa* 'хорошо', *tamēnta* < *tam ēnta* 'вот он есть', *macōty* < *mat cōty* 'для меня' и т. п. В письменной речи до сих пор нет единых норм правописания для подобных случаев: у северных селькупов этноним пишется раздельно [Ириков 1988], у южных — слитно [Быконя, Ким, Купер 1994]; слово *старикашка* в словаре С. И. Ирикова дано слитно в форме *ираллипы* и означает 'старик' без пейоративного значения и т. д. Эллиптированные формы с десемантизированным вторым компонентом, превратившимся в суффиксоид, в настоящей статье считаются за одно слово (при учете разнобоя в их записи у Л. А. Варковицкой). Естественно, что принимаемые нормы правописания сказываются на результатах анализа порядков слов и их корреляций между собой в селькупском языке. Для младописьменных языков есть множество не решенных вопросов из области орфографии, также мешающих однозначному разграничению слов в предложении: например, слитное или раздельное написание сложных комплексов (единиц), которые можно интерпретировать двояко — либо как сложные слова со слитным написанием обоих компонентов, либо как сочетание слов, обладающих идиоматичностью и имеющих раздельное написание. Другим примером является спорное в ряде языков определение окончаний, которые пишутся слитно с основой, и послелогов, которые выступают в качестве самостоятельных служебных слов, пишущихся, естественно, отдельно от существительного. Именно эти и некоторые другие трудности встают перед исследователем при анализе селькупского текста.

Дополнительно к указанным затруднениям при определении границ слов внутри предложений возникают сложности и при установлении границ самих предложений, а внутри них — синтагм и порядка расположения в них членов. Вызывает также споры трактовка полипредикативных конструкций, которые иногда считаются зависимыми предложениями, но чаще включаются в состав предложений обычно в качестве обстоятельства. Инфинитные формы глагола в селькупском языке — важное средство разворачивания простого предложения в осложненные и сложные предложения. Сказуемое зависимой части выражается одной из инфинитных форм (инфинитив, причастия, деепричастия и 1-ое и 2-ое имена действия), передавая таким способом разные отношения зависимой части к главной. Наличие в языке конструкций с инфинитными формами затрудняет определение порядков слов, поскольку полипредикативные конструкции, с трудом доступные определению ветвления предложения, семантически интерпретируемые по-разному, могут рассматриваться то как объект, то

как обстоятельство, то как определение, чему каждый раз будут соответствовать разные синтагмы и порядки слов в них. Кроме того, в селькупском языке весьма употребительны бессоюзные однословные предложения, которые трудно отличать (особенно в случае отсутствия магнитофонной записи) как от однородных членов предложения, так и от сложносочиненных предложений, тем более, что для языков типа селькупского характерны так называемые включенно-личные предложения, а паузы далеко не всегда фиксируются собирателем материала.

ЛИТЕРАТУРА

- Быконя В. В., Ким А. А., Купер Ш. Ц. Словарь селькупско-русский и русско-селькупский. Томск, 1994
- Варковицкая Л. А. Архив 1941 г. Тексты, тетр. VII. Дневники Г. Н. Прокофьева (выдержки из дневников).
- Гринберг Дж. Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов // Новое в лингвистике. Вып. V. М., 1970. С. 114–162.
- Ириков С. И. Словарь селькупско-русский и русско-селькупский. М., 1988.
- Козинский И. Ш. Три заметки по типологии // Вопросы языкознания. № 1. 1995. С. 144–153.
- Мельчук И. А. Еще раз к вопросу об эргативной конструкции // Вопросы языкознания. № 4. 1991. С. 46–88.
- Очерки 1980 — Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. М., 1980.
- Очерки 1993 — Кузнецова А. И., Казакевич О. А., Иоффе Л. Ю., Хелимский Е. А. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. М., 1993.
- Полинская М. С. Порядок слов 'объект — субъект — глагол' // Вопросы языкознания. 1989. № 2. С. 111–135.
- Прокофьев Г. Н. Селькупская грамматика. Л., 1935.
- Прокофьев Г. Н. Селькупский (остяко-самоедский) язык // Языки и письменность самоедских и финно-угорских народов. М.; Л., 1937. С. 91–124.
- Тестелец Я. Г. И. Ш. Козинский и лингвистическая типология 1970–1990-х гг. // Вопросы языкознания. № 1. 1995. С. 126–140.
- Dryer M. S. Object-verb order and adjective-noun order: dispelling a myth // *Lingua*. 1988. 4. P. 185–217.
- Dryer M. S. The Greenbergian word order correlations // *Language*. 1992. Vol. 68. P. 81–138.
- Kibrik A. E. Beyond subject and object: Toward a comprehensive relational typology // *Linguistic Typology*. 1997. Vol. 1. P. 279–346.